

НАТАЛИЯ РОЩИНА

2

ЦЕНА ЖЕЛАНИЯ

На жизни с любовью

Наталия Рощина

Цена желания

Серия «По жизни с любовью», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21587404
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Они вместе уже три года – Валя и Вадим Беловы. За это время он стал преуспевающим бизнесменом. У него получается все, а она радуется его победам и любит также безоглядно. Он внимателен, чуток к ней и к их сыну Димке. Из Вадима получился хороший отец, но женское сердце подсказывает, что в его жизни есть что-то помимо забот и радостей семьи. Валя чувствует, что существует другая, посягнувшая на их счастье. А может, Вадим просто остается собой, тем, кто уже дважды пытался создать семейное гнездо и не слишком дорожит нею и сыном? Валя готова терпеть все ради того, чтобы быть вместе с любимым. Она молча наблюдает за тем, как в их семью шаг за шагом входит обман. Рыжеволосая Алиса Зингер не знает, что ее избранник женат. Их стремительный роман полностью завладел ее мыслями, сердцем. Она уже видит себя мадам Беловой, но все тайное рано или поздно становится явью. Две обманутые женщины и мужчина, пытающийся балансировать между чувством долга и страстью. Как долго может продолжаться двойная жизнь. У некоторых –

эта игра растягивается на долгие годы, но у Алисы есть подруга детства. Преданная Марина Светлова. Молчаливая тень своей яркой подруги, она неожиданно берет на себя роль вершителя судеб. Три женщины с разной судьбой, каждой из которых уготовлена своя роль. И все для того, чтобы выяснить: какова цена желания? Насколько глубока страсть? Во всех ситуациях есть выбор. Важно не ошибиться.

Наталья Рощина

Цена желания

Вале казалось, что она любила его всегда. Даже тогда, когда еще не знала, а только ждала встречи с ним – единственным, не похожим ни на кого, умным, сказочно красивым, добрым... Девушка придумывала светлый образ того, кто станет ее первой и последней любовью – она так решила. В жизни может быть только одно настоящее чувство, а остальное – инерция, бегство от одиночества, накопление непоправимых ошибок и разочарования. Молодость эгоистична, но разве можно в это замечательное, быстротекущее время думать рационально?

Сегодня она снова остро почувствовала одиночество, душевную горечь женщины, теряющей любимого, – еще один вечер они проведут с сыном вдвоем. Им не привыкать – Вадим в очередной командировке, но Валя не верила, что деловые обстоятельства вырвали ее мужа из дома.

Прошло больше трех лет, как они вместе, но ей казалось, что последнее время они далеки, как никогда. Куда-то ушло, просочилось то безоблачное, согревающее душу состояние покоя, надежности. Растерялось на дорожках, ведущих в никуда. Никуда... Валя смотрела, как за окном кружится белый снег, и ощущала, как холодные порывы морозного воздуха пробираются в дом – никуда от них не деться. Холодно,

неуютно стало здесь, а жить так дальше она не сможет. Раньше думала, что перешагнет через все, лишь бы быть вместе, но в действительности все оказалось куда сложнее. Вадим отдалялся от нее, от сына. Он разрывался между любовью и обязательствами. Вале было горько сознавать, что муж не нашел в ней того, что уже пытался обрести несколько раз до их знакомства. Сначала ей казалось, что он счастлив с ней. По крайней мере, со своей стороны она делала все, что могла. Главное – она любила его, раскрывая свое сердце, даруя каждую частицу себя, не требуя взамен такой же отдачи. Она видела их союз долгим, светлым, наполненным счастьем и взаимопониманием. Наверное, она что-то делала не так. В который раз Валя подумала, что мужчину нельзя любить так сильно, и верно, нельзя – он начнет искать ту, которая измучит его своей любовью, ту, от которой можно всего ожидать и каждый день быть готовым к разрыву. Наверняка Вадиму нужна именно такая женщина.

Молодая женщина отошла от окна, вздохнув, тихо произнесла: «Одному Богу известно, что ему Вадиму Петровичу Белову нужно». Потом устало опустилась на стул, задумчиво глядя на белые пушистые хлопья снега, кружившиеся без отдыха в танце, движения которому задавали порывы ветра. Валя сощурилась и начала раскачиваться на стуле, словно слышала музыку. Внезапно остановившись, уронила лицо в холодные ладони. Ей так хотелось душевного тепла, тепла и любви дорогого человека...

Валя полюбила его с первого взгляда, и все годы, что они провели вместе, не растеряла этого глубокого, всепоглощающего чувства. С удовольствием вспоминала то светлое и доброе, что связывало их, и старалась выбросить из головы все, что столько раз заставляло ее признать, что ее жизнь все же не сложилась. Она не смогла стать для Вадима незаменимой, а так хотелось...

Их встреча была случайной, а чувство, возникшее у Вали к красивому голубоглазому юноше, захлестнуло девушку с первых же минут знакомства. В то время она жила в Горинске уже три года – ровно столько, сколько училась в медицинском училище. Ее мама – Степанида – всячески поддерживала стремление дочки к учебе. Выросшая в деревне, без отца, окруженная вниманием и заботой одной матери, Валя привыкла делиться с ней своими мечтами, фантазировать о том, как сложится ее жизнь. Степанида любила слушать дочку, рассуждения которой всегда приводили ее в недоумение: откуда в такой юной головке столько здравого смысла, взрослого подхода к житейским ситуациям? С годами восхищение матери своей Валюшей росло. Девочка прекрасно справлялась с учебной, успевала помочь по хозяйству, перечитала массу книг, которые брала в сельской библиотеке. Она не знала усталости, редко была в плохом настроении. От нее словно исходило сияние, заставляющее улыбаться всякого, кто видел и общался с Валюшей.

Вопрос об отъезде из родной Смирновки после оконча-

ния школы решил очень быстро. В свое время ее отец, дед Валуши, воспрепятствовал желанию Стеши уехать в город учиться – в хозяйстве были нужны руки. Для своей дочки она хотела другой участи. Стоило девочке несколько раз сказать, что она мечтает стать врачом, как Степанида тайком от Валуши начала откладывать деньги. И делал это с радостью – ведь каждый рубль приближал мечту ее дочки. Только поступать в институт Валя сразу не решилась. Сначала она подала документы в медучилище, а уж потом в институт. Степанида была уверена, что без знакомства девочке из провинции не стать студенткой престижного заведения и не хотела разочарований для своего ребенка с первых же шагов во взрослой жизни. Степанида была простой деревенской женщиной, с опаской относившейся ко всему городскому. Она согласилась с решением Вали поступать в медучилище, чтобы, поработав, набраться опыта и при поступлении в институт быть более уверенной, чем те, кто пришли сразу после школьной скамьи. Женщина знала твердо – ее девочка не повторит судьбы своей матери. Нечего ей с такой светлой головой делать на ферме, вставать ни свет ни заря, стареть день за днем от непосильного сельского труда и отказываться от своей мечты. Пусть учится. Бог даст, получит профессию, встретит в Горинске хорошего парня и проживет с ним долгую, счастливую жизнь.

Мечтала Степанида, чтобы внуки ее росли, зная заботу и отца, и матери, а не как Валушка. Была она вечным, сладким

напоминанием о нескольких счастливых мгновениях первой и последней любви Стеши. Столько пришлось пережить: и побои отца, и сплетни односельчан, но появление Валюши изменило все. Умолкли злые языки, смирился с рождением внучки отец – девочка росла замечательная, светлая, добрая, трудолюбивая. Ни о чем не жалела Степанида, одно лишь хотела понять: почему так и не вернулся к ней любимый, как обещал? Ведь смотрел в глаза и твердил, чтобы верила каждому его слову.

Только через двадцать лет суждено было Степаниде узнать о гибели Валиного отца, верность которому она хранила всегда. И оказалось, что не смогла она принять такой правды. Она поняла, что ей было бы легче узнать, что он жив, здоров, счастлив в другой семье. А эта страшная новость подкосила и без того пошатнувшееся здоровье женщины, сделала ее пребывание на этой земле лишённой смысла. Она ушла в свой, закрытый для других мир. И даже бесконечная любовь к Вале, всегда придававшая ей силы, теперь не могла вернуть ей радости жизни. Потянулись дни, заполненные воспоминаниями о далеких временах, когда она была молода, счастлива, а в сердце поселилось желание поскорее встретиться с любимым, хотя бы на небесах.

Как любая мать, желавшая своему ребенку только хорошего, Степанида хотела, чтобы Валюшина жизнь сложилась по-другому. Не должно быть в ней места горечи, потерям, разочарованиям. Она должна быть светлой, радостной, на-

полненной любовью, женским счастьем и заботой. Пусть поскорее перенимает дочка городские привычки, заводит знакомства, оставаясь самой собой.

Желания Степаниды со временем становились реальностью. Валя быстро вписалась в новые обстоятельства. Вскоре она уже не чувствовала себя неуютно на широких улицах Горинска, наполненных людскими потоками и шумом автомобилей. После тишины и размеренности Смирновки это был совсем другой мир, другой ритм. Девушка боялась, что будет чувствовать себя одиноко, но все сложилось как нельзя лучше. Однокурсницы стали ее новыми подружками, со временем прошла тоска по родным местам. Остались воспоминания детства и нетерпеливое ожидание выходных, каникул, предвкушение встречи с самым дорогим человеком. Степанида всегда была для Валюши самой лучшей подружкой. Приезжая в Смирновку, Валя полной грудью вдыхала наполненный ароматами детства воздух и попадала в раскрытые объятия матери. Ее ласковые руки обнимали, прижимали к груди, и на душе становилось так спокойно. Переполненная впечатлениями, Валя до позднего вечера рассказывала матери и о том, как живет вдали от нее, как скучает и в то же время привыкает к переменам. У них не было секретов друг от друга. Степанида каждый раз ждала, что дочка обмолвится о том, что ее сердце трепещет от любви, но Валя ничего такого не говорила. Напротив она отмахивалась от любых намеков об этом и смеялась, что ее жених еще не родился.

И вот – чувство пришло. Белов показался Вале самым красивым парнем, которого она только встречала. Работая на практике в больнице медсестрой, да и во время учебы она замечала пристальное внимание мужчин к себе. Но все это было так легковесно. Ничто не трогало ее за душу. Она умела отличить приставания женатых мужчин, их попытки просто переспать с молоденькой хорошенькой медсестрой от настоящего чувства. Ее длинная русая коса не давала покоя многим из тех, за кем ей приходилось ухаживать. Валюша пресекала любые неожиданные поглаживания, пощипывания. Она поднимала густые дуги бровей и пристально смотрела огромными серо-зелеными глазами на посягнувшего. Ей даже не приходилось что-нибудь говорить. Только что получившие дозу уколов, прогреваний, ванн, массажа, ищущие приключений больные обжигались об этот взгляд.

Валя училась, работала и с замиранием сердца слушала рассказы подружек-медсестер об очередном, вспыхнувшем романе. Потом нередко сочувственно поджимала дрожащие губы, когда история возникшей страсти резко оканчивалась в день выписки выздоровевшего. Потоки горьких слез, проливаемых молоденькими девчонками, могли оставить равнодушными только железо, камень. Если добавить к этому почти еженедельные встречи с матерью и ее предостережения на счет городских ловеласов, то у Вали мог выработаться стойкий иммунитет на проявление внимания со стороны мужского пола. Однако природа брала свое, и мимолетно

возникающие импульсы все же не давали ее сердцу покоя. Разве могло быть по-другому в двадцать лет? Она подсознательно находилась в ожидании настоящего чувства.

Однажды оно приняло реальные очертания Вадима Белова, юноши, который просто помог ей донести неподъемную сумку, нагруженную мамой, от привокзальной площади Горинска до квартиры, в которой Валя жила. Это было случайное стечение обстоятельств. Вадим не смог остаться равнодушным к девушке, сгибающейся под тяжестью непосильного груза. Многолюдная привокзальная площадь словно опустела – Белов видел только ее, остальное словно скрылось за широким занавесом. Предложив свою помощь, он понял, что оказался в нужном месте в нужное время. Он сразу почувствовал, что незнакомка отличается от тех, с кем сталкивала его жизнь. Серо-зеленые глаза ее смотрели открыто, на губах играла улыбка, ничего показного. От нее исходило столько обаяния, что перед ним нельзя было устоять. Белов был немногословен, но, как всегда, ироничен. Это окончательно сбивало с толку Валу, не привыкшую к такому общению. Она всеми силами старалась не показать, насколько ее заинтересовал голубоглазый брюнет. А ему было интересно наблюдать за тем, как она смущается под его взглядом.

Безошибочно определив, что понравился Валуше, он, не строя никаких далеко идущих планов, время от времени появлялся на ее горизонте. Потом встречи стали более частыми. Он видел, что девушка рада ему. Да и сам он ощущал со-

вершенно новые чувства к этой неиспорченной, в чем-то наивной девушке с неопикуемой красоты тяжелой русой косой. Ему было легко и уютно с ней, но мысли о серьезном продолжении их дружеских отношений у него не появлялись.

Ко времени знакомства с Валюшей, Белов успел дважды жениться и развестись. Обе его избранницы были на нее совершенно не похожи: смуглые, стройные, с длинными черными волосами, раскованные и сексуальные. Наверное, именно последнее обстоятельство больше всего и привлекало Вадима. Он бросался с головой в огонь разгоравшегося желания, отбрасывая доводы рассудка. Он считал, что брак решит многие проблемы и позволит наслаждаться любимой сполна. Будучи импульсивным и страстным, Белов не желал тратить время на долгие романтические ухаживания. Он сразу делал предложение своей избраннице стать его женой, считая, что настоящий мужчина должен поступать только так. Первый раз юноша женился в конце первого курса института, второй – став четверокурсником. Семейная жизнь в обоих случаях длилась не больше года. Быстрое разочарование в избранницах приводило к разрыву. Образ, созданный разыгравшимся воображением юноши, рассыпался, как картонный домик от легкого прикосновения. Белов давал слово себе и уставшей от ошибок сына матери, что в следующий раз будет более осмотрительным и рассудительным. Родители – Галина Матвеевна и Петр Петрович – поразились тому, как легко их сын обращался с тем, чем они привык-

ли дорожить. Понятие семейного очага для Вадима никак не принимало реальных очертаний. Родители беспокоились: все их бывшие невестки не вписывались в тот ритм и образ жизни, который вели они. Начиная с экзотических имен, им не нравилось в избранницах сына все. Регина, Марьям – это звучало красиво и необычно, но Беловым-старшим резало слух. Они едва терпели их общество, пока видели, что Вадим счастлив. Ради благополучия летающего от любви чада родители глубоко прятали собственное мнение. Но этот благополучный период быстро заканчивался и «цыганочки», так прозвала бывших невесток Галина Матвеевна, переставали иметь отношение к их сыну. Штампы в паспорте и некоторое разочарование в прекрасной половине человечества – вот опыт, приобретенный Беловым.

Ни один из браков не обременил Вадима детьми, чему он был несказанно рад. Каждый раз, обретая свободу, он думал, что это надолго. Какое-то время он абсолютно равнодушно взирал на стройные ножки и милые личики. Институт Вадиму «удалось» закончить холостяком. Его институтский друг Виталий Найденов перед отъездом из Горинска на место распределения пошутил, что третий раз судьба не будет столь благосклонна к голубоглазому красавчику. Он предрекал, что третий брак Вадима обязательно приведет к рождению Белова-младшего, а разрывать такие отношения гораздо сложнее.

Слова товарища оказались пророческими. Потому что

именно Валя стала третьей мадам Беловой, подарившей Вадиму прекрасного сына. К появлению малыша будущий отец отнесся очень серьезно. Где-то подспудно боясь, что его станут меньше любить и холить, он ожидал его рождения с нетерпением и радостью. Валя как могла убеждала его, что малыш ни в коем случае не займет в ее сердце места Вадима. Просто это совсем разные вещи – любовь к ребенку и супругу. Одно не исключает, а взаимно дополняет другое. Ее удивляло, что муж так болезненно относится к этому вопросу. Она поделилась своими наблюдениями со свекровью. Та понимающе кивала головой, ведь она чувствовала настроение сына, как никто другой. Галину Матвеевну радовало, что невестка так трепетно относится к Вадиму. Наконец материнское сердце успокоилось, ведь о такой жене, как Валя, можно было только мечтать. Приветливая, спокойная, обаятельная, настоящая хозяйка. У нее была, на первый взгляд, совсем даже неброская внешность. Но когда Валюша расчесывала волосы, Вадиму казалось, что перед ним стоит сказочная русская красавица, сошедшая со страниц народных сказок.

И отец, и мать на этот раз полностью поддержали выбор сына. В Вале они увидели женщину, достойную носить их фамилию. Отношения между свекровью и невесткой сложились с первого дня знакомства. У них была общая прочная платформа – любовь к Вадиму, лишённая ревности, упреков, недоверия и ссор. Две женщины общались легко, запросто.

С Галиной Матвеевной Валя стала разговаривать и видаться чаще, чем с родной матерью. Что-то изменилось в отношениях Степаниды и ее дочки, сведя долгие беседы к коротким телефонным разговорам.

Лучшая подружка, так называла свою маму Валюша, не приехала в Горинск ни разу: ни посмотреть, как устроилась дочка в квартире мужа, ни просто так, без повода. Получилось, что даже на могилу Валиного отца она не собралась. Зная о своей болезни, которую женщина тщательно скрывала от дочери и зятя, она планировала встретиться со своей первой и последней любовью уже на небесах, и только это считала важным. Так и случилось: незадолго до рождения внука Степаниды не стало. Валя тяжело переживала потерю матери. Пока та была жива, она позволяла себе в последнее время осуждать ее, а когда матери не стало, дочь измучилась чувством вины к женщине, отдавшей ей столько тепла. В голове осиротевшей Валюши постоянно возникал вопрос: в праве ли мы осуждать поступки тех, кто дал нам жизнь?

Рождение сына помогло Вале преодолеть черный период жизни, наполнило ее бесконечной любовью к дорогому, крошечному существу. И Вадим помогал ей изо всех сил. Появление Димки изменило его. Благодаря долгим разговорам с матерью и Валюшей он был готов к переменам. Он почувствовал себя старше, мудрее, ответственнее. Вадим удивлялся сам себе: ему были больше не нужны приключения, он торопился по вечерам домой. Он знал, что его встретят улы-

баюющиеся Валюша и Димка – это было самое приятное, что произошло с ним за всю жизнь.

Однако идиллия продолжалась чуть больше двух лет. Валя однажды почувствовала не самые приятные для себя перемены в поведении мужа, но пыталась убедить себя, что это игра ее воображения. Она долго делала вид, что ничего особенного не замечает. Но в конце концов так можно превратиться в существо, правилом которого становится: ничего не вижу, ничего не слышу, ни на что не обращаю внимания! Маковецкая в роли бабушки и прабабушки давно молчаливо наблюдает за тем, что происходит с семьей ее внучки. Да, Валя не так глупа, чтобы не догадаться, что у Вадима появилась другая женщина. Но сила ее чувств к мужу, отцу ее ребенка, была несоизмеримо выше подозрений. Она могла принять только откровенное признание мужа, а он его не делал. Наверняка она нашла бы и очевидные доказательства, только не собиралась искать их. Валя прощала Вадиму все его слабости, потому что относилась к нему, как к большому избалованному ребенку, красивому, обаятельному любимцу, которого рука не поднимается наказывать. А он постоянно твердил о важности семьи для него, не уставал повторять, что она и сын – святое, чего нельзя отнять и заменить, что они важны для него, как воздух. Вадим обнимал Валюшу, называя ласковыми прозвищами, на которые всегда был мастер, а она таяла от его слов, и сжимавшееся от боли сердце на время успокаивалось.

В третьей попытке обрести семейный очаг Белова, кажется, все устраивало. Преданная, немногословная, умная и красивая жена, замечательный сын, похожий на своего отца. Уютная трехкомнатная квартира, в которую они недавно переехали, успешно развивающийся бизнес – Белов выполнял свою программу с опережением графика. Все было даже слишком гладко, чтобы быть правдой. Но это была его жизнь. Он шел к ней и мог уверенно сказать, что доволен собой. Так важно ощущать внутреннюю уверенность и удовлетворение. Белов достиг некоего предела, параметры которого его пока устраивали. Вадим не собирался больше ничего менять кардинально, ну, может, лишь внести некоторое разнообразие в размеренный ритм жизни. Однако он снова и снова попадал в ловушку собственных желаний. Только на два года после женитьбы на Валентине он как бы изменил себе: стал примерным семьянином, полностью посвящал свободное время жене и сыну. Потом вдруг почувствовал, что такое положение вещей стало его тяготить. И, стараясь ничего не менять, он постепенно свел свои семейные обязанности к добыче денег и благоустройству их быта. Теперь находились причины для задержек на работе, частых командировок. Улыбка и радушие жены и Димки уже не приводили его в благостное состояние, как раньше, а сын, привыкший большую часть времени проводить с матерью, не очень огорчался, когда папы не было дома.

Белов снова ощутил в себе проросшее и крепнущее жела-

ние пережить очередную страсть. Не то чтобы еще более располневшая, но невероятно энергичная и быстрая Валя перестала волновать его. Нет, он считал, что эта женщина создана для того, чтобы до конца его дней быть с ним рядом. Белов избрал своеобразную жизненную философию, в которой семья – это одно, а то, что может произойти по его желанию – другое. И не нужно смешивать! Он никогда не забудет, что женат, и это положение он расценивает не только как непомерный груз обязанностей и хлопот, от которых он не отрешивается. Ведь его душу греет не только искренняя любовь к жене и сыну: с появлением Димки Вадим, наконец, почувствовал ответственность перед семьей за собственные поступки, понимая, что он здесь главный, а значит, вся нагрузка должна ложиться на его плечи. Но только никакого самопожертвования и жертвоприношения – это было бы слишком трагично, чтобы Белов принял такую тактику.

Эти постоянные внутренние монологи означали одно: Вадим чувствовал – он не «на все сто» удовлетворен своей жизнью. Нет в ней водоворота страстей, который захлестывал его раньше. Белов не хотел смириться с этим. В конце концов он честно признался Вале в самом начале их знакомства, что из него не получится идеального мужа. Говорил? Говорил. Он не собирался увиваться за каждой красивой попкой и призывными глазками. Однако принимая как должное любовь и заботу Вали, не желая причинять ей боль, все время был начеку, прислушивался к внутреннему голосу здоро-

го мужчины. Этот голос никогда не был обременен предрас-судками. Просто одно время он умолк, пытаясь понять, сто-ит ли давать о себе знать?

Его мимолетные увлечения становились известными Вале только благодаря звонкам «доброжелателей». Она не обра-щала на них внимания, считая, что кому-то не терпится за-дуть трепещущий огонь семейного очага Беловых. Собствен-но, ничего серьезного не происходило. Ничего, на что сто-ило бы обращать внимания и ему, и Вале. Так, знакомства на презентациях и деловых встречах, где в отсутствии су-пруги находились особы, желавшие острых ощущений. Го-лубые глаза Вадима всегда смеялись, красивые губы чуть по-драгивали или растягивались в ослепительную улыбку. Бе-лов знал, что красив, что умеет расположить, и пользовался природным даром. Ему было приятно осознавать, что одно-го движения его бровей достаточно для того, чтобы предста-вительницы слабого пола трепетали. А Вадим был не толь-ко красив, но и умен, а сила его обаяния – бесспорной. Так что желающих скоротать время с преуспевающим обворожи-тельным молодым мужчиной было предостаточно. А он не видел объекта, достойного внимания. Его веселили корот-кие интрижки, в которых ему отводилась роль завоевывае-мого. Компаньон Белова, его товарищ со школьных времен, Константин Проскурин, называл Вадима магнитом. Было яв-но видно, что прекрасная половина человечества не соглас-на с тем, чтобы такой мужчина уделял внимание только од-

ной женщине – своей жене. Ну а ей приходилось не сладко. Еще мама говорила Вале, что красивый муж – чужой муж. Но разве можно было обращать внимание на народные мудрости, когда на тебя смотрели голубые, прозрачные океаны глаз Белова? В них хотелось утонуть, бесконечно ощущая силу и притяжение мужчины, в которого ты влюблена.

Валя никогда не обольщалась на тот счет, что можно удержать рвущегося на свободу. Никакие штампы, обещания не дают гарантий вечной преданности. Вадим оставался таким же веселым, легким, вечно готовым иронизировать и устраивать ей проверки, как в первое время их знакомства. Он умело сочетал работу и дом, развитие бизнеса и защиту кандидатской, преподавание на кафедре и общение с заказчиками в своей фирме. Ему удавалось выкраивать достаточно времени для всего этого. Валя восхищалась мужем. Все-таки его целеустремленность, настойчивость и трудолюбие не могло не вызывать именно такого чувства. Но через какое-то время она поняла, что работа постепенно оттесняет ее и Димку с первого места: Вадим стал задерживаться допоздна, они уже не болтали о том, что произошло за день и какие планы предстоят на следующий. Ей стало казаться, что работа – просто повод для того, чтобы прийти за полночь. Молодой женщине не хватало их милых бесед, былой откровенности. Ей было так интересно слушать мужа, ведь он был превосходный рассказчик. Раньше он шутливо требовал отчета от хранительницы домашнего очага за прожитый день, а по-

том начинал рассказывать сам. Он снова переживал все, что случилось с ним за последние десять-двенадцать часов. При этом он обычно с удовольствием поглощал приготовленный женой ужин.

И вдруг все изменилось. Включилось то, что называется безошибочной женской интуицией. Валя ощутила состояние, с которым боролась в первые месяцы их брака: она не могла приблизиться к Вадиму на близкое расстояние. Он словно отгораживался от нее высоким забором шуток и прибауток. Внешне все выглядело как прежде. И в постели Вадим был таким же страстным и изобретательным, но женское чутье подсказывало Вале, что грядут не самые лучшие времена. Она с еще большим рвением бралась за домашние дела, переключалась на Димку, уделяя ему внимания за двоих. Так она уходила от гнетущих мыслей. Она души не чаяла в сыне и с некоторых пор считала, что нет ничего важнее покоя, здоровья и успехов ее ребенка.

Интересы семьи молодая женщина всегда ставила выше всего. Ее желание продолжить учебу после окончания медицинского училища так и осталось неисполненным. Она работала медсестрой в больнице, куда попала после окончания училища и вернулась после декретного отпуска. Времени едва хватало на заботы о Димке, о доме и на работу, какая уж тут учеба.

Еще одно огорчение – Вероника Сергеевна Маковецкая, невропатолог, у которого Валя и была медсестрой, закончи-

ла трудовую деятельность. Она имела довольно известное в медицинских кругах имя и уходила на заслуженный отдых. Это были не пустые слова, потому что, не обремененная заботами о семье, рано потерявшая мужа, а потом и единственного сына, она находила успокоение и смысл жизни только в работе.

Появление Вали, по невероятному стечению обстоятельств оказавшейся ее внучкой, позволило одинокой женщине снова ощутить себя в кругу семьи, заботиться о близких и дорогих людях. Вероника Сергеевна полюбила Валю сразу и бесповоротно, так же, как и будущая мама, с нетерпением ожидала появления правнука. Она собиралась оставить работу и растить его, но напряженный характер жизни, потери сделали свое дело. Всегда такая энергичная, быстрая, несмотря на седьмой десяток, не признающая обуви без каблука и не выходившая из дому подкрашенных ресниц, она вдруг сникла. Неожиданно почувствовала, как навалился на нее груз прожитых десятилетий. Она шутила, что, став пенсионеркой, потеряла ощущение полноценной жизни. Валя смотрела, как Вероника Сергеевна старается оставаться прежней, но с каждым месяцем ей это давалось все труднее. Не могло быть и речи о том, чтобы сваливать на ее хрупкие плечи заботы о Димке. Мальчик в три года пошел в детский сад, а Валя после декретного отпуска вернулась на прежнее рабочее место, в привычный кабинет. Только вместо Вероники Сергеевны здесь стала принимать Алиса Захаровна

Зингер, не так давно окончившая институт. Ее звали Алиса Захаровна Зингер.

Это была красивая, высокая женщина, легкая в общении. Кажется, они с Вале́й были одногодками. Если бы Белова сразу после школы поступила в институт, она окончила бы его в один год с Алисой. Отсутствие возрастной разницы не означало панибратства. Они общались, соблюдая табель о рангах, определенный отношениями «начальник-подчиненный». Ничего личного, но и без неприязни, которой боялась Валя. Она заранее была холодно, настороженно настроена к переменам. Уход Вероники Сергеевны пережила болезненно, хотя старалась, чтобы это оставалось незамеченным. Теперь не было чувства праздника при мысли о предстоящем рабочем дне. Алиса Зингер сумела расположить Валу к себе, однако тех доверительных отношений, которые сложились у Беловой с Маковецкой, у них, конечно, не было.

Никаких комплексов по поводу собственной нереализованности у Вали не было. Однажды она раз и навсегда решила, что карьера мужа для благополучия их семьи важнее ее мечты о дипломе врача. Поэтому Валя занималась ребенком, домашними хлопотами. Вадим остался благодарным Вале за понимание, пообещав, что она не пожалеет о своем выборе, а он сумеет сделать ее жизнь интересной, насыщенной. Он просил ее немного подождать. Тогда она не представляла, о чем он говорит. Она просто вся погрузилась в заботы о Димке и доме.

Сын уже не был беспомощной крохой. Похоронив мать незадолго до его появления, Валя столкнулась со всеми трудностями ухода за малышом в одиночку. Родители мужа работали и только в субботу, а чаще в воскресенье «высаживались десантом поддержки» в их однокомнатную квартиру, заполненную запахом молока, мокрых пеленок. Теперь все было по-другому: Димка не требовал к себе ежеминутного внимания, общение с ним переходило на совершенно иной уровень. Ушла изматывающая каждодневная суета и нервозность. Появилось время для себя. Валя снова запоем читала книги, свежие журналы, которыми Вадим постоянно ее снабжал. Правда, обсуждать прочитанное приходилось все больше с Галиной Матвеевной: Вадим уходил рано и возвращался затемно: он оканчивал аспирантуру, по вечерам работал в компьютерной фирме «Байт», которая только набирала обороты. Он сумел увидеть достойное будущее дела, от которого не были в восторге его родители, которое отбирало так много времени от общения с молодой женой и сыном. Компьютеры завоевывали в мире свое место под солнцем, и немалую лепту в это собирались внести два амбициозных, полных сил и идей мужчины. Оба считали, что с их помощью Горинск станет чуть не центром компьютерного бизнеса. Они с удовольствием отдавались работе, невзирая на молчаливое недовольство близких, желающих проводить больше времени с ними. Валя, в отличие от Вики, жены Проскурина, никогда не пыталась выяснять отношений по поводу собствен-

ной значимости в жизни Вадима. Она спокойно воспринимала его тягу к работе, не мешая, а доверяя ему, ждала момента, когда будут видны плоды упорного труда мужа. И все было не зря.

Белов стоял на правильном пути, когда много лет назад говорил о перспективах зарождавшегося бизнеса. Вместе с Костей Проскуриным – и не без финансовой помощи отчима последнего – они закладывали фундамент тому, что стало приносить ощутимый доход. Маленький двухкомнатный офис в шумном центре сменился двухэтажным зданием современной отделки. Однокомнатная квартира Беловых – на трехкомнатную, планировалась покупка автомобиля в самое ближайшее время. Грандиозные планы Кости сбывались, как теперь казалось, с головокружительной скоростью: договоры заключались один за другим, продажа компьютеров росла с каждым месяцем, создавались заделы для работы с иностранными партнерами. Как и в первое время работы, Костя был генератором идей, а Вадим – реально оценивал возможность их воплощения в жизнь. Неумные фантазии и трезвый расчет – два взаимодополняющих партнера, за десятилетие совместной работы ни разу не пожалевшие о таком союзе.

Валя считала, что и она в какой-то мере способствовала успехам мужа, создавая ему уютную, спокойную атмосферу дома. Свою жизнь Валентина не могла назвать скучной – она была постоянно заполнена событиями: удачи мужа, заботы

о Димке, переезд в новую квартиру, обустройство быта. Потом появилось новое увлечение: недавно Валя открыла в себе способность к рисованию и фотографии. Проводя много времени с маленьким Димкой на улице, она поняла, что замечает то, на что люди как будто не обращают внимания. Валя стала брать с собой фотоаппарат и снимать то, что родители Вадима называли «волшебной прозой жизни». Она подмечала то, что на первый взгляд ускользало, не было достойно внимания, но только на первый взгляд. А потом от фотографий было невозможно оторваться. Мгновения единения с природой сливались в буйстве или увядании красок. И все это накапливалось кадр за кадром, со временем превратившись во что-то законченное. Галина Матвеевна и Петр Петрович стали первыми, кому Валя показала свои работы. Не скрывая восхищения, они просили сына поддерживать увлечение жены, но Вадим только лукаво улыбался в ответ. Ведь он к тому времени не видел еще ни одной фотографии, ни одного рисунка Валентины. Он был рад любому проявлению творчества, даже самому неожиданному. Он считал, что от долгого сидения дома с женщиной могут произойти две вещи: либо она начинает искать приключений, либо находит себя в чем-то, что делает ее жизнь наполненной новым смыслом. Домашние заботы открыли необыкновенные способности у Вали. Этот вариант, конечно, больше нравился Белову. Однако он считал, что это не будет иметь продолжения. Он ошибался, ведь одним из главных качеств его же-

ны была основательность. Она ничего не делала просто так – только с душой. Когда Валя показала ему несколько своих рисунков из серии, которую она назвала «Вечность», Вадим на какой-то миг потерял способность говорить. Перед ним расстилалось небо. Голубое, покрытое мягкими, пушистыми облаками; обласканное солнцем и серое, тяжелое, нахмурившееся в ожидании грозы. Оранжевые и багрово-красные закаты на фоне высотных домов и макушек деревьев. Все было нарисовано так реально, профессионально, что Белов молча сел в кресло и продолжал перебирать в руках несколько кусочков далекого, ставшего осязаемым неба. Он понял, что недооценивал жену. Потом так же без слов перелистывал альбом фотографий, каждая из которых изображала каждодневную действительность, но как-то особенно, неизбито. Казалось, что все сюжеты созданы автором, и спонтанно такое не снимешь. В какой-то момент он почувствовал зависть, что такие скрытые таланты обнаружились именно у Валентины. Быстро прогнав подобные мысли, Белов поднял на нее изумленный взгляд.

– С этим нужно что-то делать, – наконец произнес он.

– Ничего не нужно делать, просто мне бы хотелось, чтобы ты высказал свое мнение. Оно для меня очень важно, – улыбаясь, сказала Валя.

– Я в восторге и обещаю, что эту красоту смогут по достоинству оценить тысячи людей.

– Что ты имеешь в виду? – Теперь пришло время удив-

ляться Валентине.

– Я устрою тебе выставку в галерее «Маэстро». Не буду назначать точную дату, но обязательно сделаю это. – Валя вспомнила, как загорелись его глаза, когда он говорил об этом. Белов оставался собой: он нашел способ показать, что без него дело не наберет должных оборотов, хотя искренне хотел принять участие в увлечении жены. Он чувствовал, что отдалился от семьи в последнее время. Работа требовала полной отдачи, но не только она отодвигала часы возвращения Белова домой. Вадим обнял жену и поцеловал ее в кончик носа. – Я горжусь тобой, Сергеевна!

Валя вздохнула и поднялась, потеряла онемевшую ногу. Острые иголки побежали по икре. Поморщившись, она стала легонько поглаживать потерявшую чувствительность кожу. Наконец неприятное ощущение прошло. Валя выпрямилась, потянулась и начала убирать посуду после завтрака. Машинально взяла Димкину ложку и съела немного остывшей манной каши. Потом спохватилась: сегодня, после богатого новогоднего стола, предполагался разгрузочный день.

Вале так и не удалось приобрести формы типа 90-60-90. Она старательно делала вид, что такие мелочи как лишние килограммы ее не интересуют. Но украдкой частенько обвивала талию сантиметром и разочарованно скручивала его. Она никогда не была тростинкой. Белов не подшучивал над ней, не намекал, что надо бы заняться собой. Только ко-

гда она была в положении, он позволял себе называть ее «толстиком». Да и то, он произносил это во множественном числе, обращаясь таким образом и к малышу. После рождения Димки Валя еще больше поправилась, но оставалась подвижной и энергичной. Она без досады на себя просматривала журналы мод, где длинноногие красавицы показывали стройные формы. Вадим всегда подчеркивал, что женская красота – сумма душевных качеств, магнетизм которых внешняя привлекательность может лишь усилить. Она догадывалась, что муж наверняка несколько кривил душой, просто не давая Вале повода для волнений. Но он действительно давно понял, что видит в ней исключительно красивую, привлекательную женщину. И ему не хотелось, чтобы она менялась. Пусть остается такой же жизнерадостной пышкой. Главное – она невероятно тактична и знает цену словам, умна, весела, жизнерадостна. Этого у нее не отнять. Он говорил, что любит ее именно такой, подразумевая гибкость ее натуры, а не лишние килограммы.

– Я буду любить тебя, даже если твоя тень покроет тень Монсерат Кабалье. – Обнимая Валу, как-то сказал Вадим. И она, зажмурив глаза, представила себя более пышной, чем всемирно известная оперная дива.

– Не-ет! – Заверещала Валя, натягивая на себя одеяло с головой.

– Пospорим? – Предложил Белов, хитро прищурившись.

– Будем считать, что ты выиграл, – глухо из-под одеяла

ответила Валя и засмеялась. А про себя подумала, что обязательно должна сбросить хоть сколько-нибудь килограммов лишнего веса.

Валентина улыbnулась, вспомнив этот забавный эпизод. Таких приятных воспоминаний за годы совместной жизни у нее было немало. Они навсегда остались в ее сердце и отчаянно пытаются перевесить тот холод, который пробирается в их отношения.

В комнате сына было тихо – самостоятельный малыш редко требовал внимания к себе. Он обладал удивительной для его возраста способностью быть самодостаточным. Валя осторожно заглянула к нему и увидела, что Димка усердно трудится над сооружением башен из кубиков и конструктора. Он потешно высунул кончик языка и весь ушел в свои заботы, не замечая матери. Так захотелось войти к нему в комнату, обнять, прижать к груди крепко-крепко. Но Валя сдержала порыв: Вадим говорил, что она слишком нежна с Димкой. Как будто обращаясь с мальчиком строго, можно привить ему мужественность и силу. А как же еще выразить всю глубину любви матери к своему ребенку, как не поцеловав, не приласкав его? И все-таки Валя не зашла к Димке, а принялась хлопотать на кухне. Она решила приготовить на десерт свое фирменное блюдо – блинчики с бананами и медом. Есть их в одиночестве казалось не самой веселой перспективой, но Валя надеялась на приход неожиданных гостей. На это были особенными мастерами Вороновы – свидетели их

свадьбы. Прекрасная пара, которую она всегда была рада видеть у себя дома. Вале нравилось признание ее способностей не только со стороны мужа. Конечно, Белов с самых первых дней их совместной жизни не раз с гордостью говорил, что она – прекрасная кулинарка. Только всякий раз подчеркивал, что шедевры ее выпечки могут плохо отразиться на его фигуре, ведь остановиться бывает очень трудно. Он всегда в шутку подсчитывал съеденные калории. Валя посмеивалась, что он – мужчина – уделяет этому больше внимания, чем положено, на что он отвечал с неизменной ироничной усмешкой: «Кем положено? Предрассудки, мадам Белова!»

Валя снова улыбнулась. Ей было приятно радовать домашних. Она не считала время, проведенное на кухне, потраченным впустую. Она создана для дома, для всех этих каждодневных забот. И даже теперь, когда Вадим стал зарабатывать хорошие деньги, и материальное положение позволяло им иметь домработницу, Валентина не захотела доверить свой дом заботам чужого человека. Она – хранительница очага, и посторонним здесь не место. Валя несла груз домашних хлопот с улыбкой. Хандра вообще была ее редким спутником. Разве только иногда поздними вечерами, когда остывший ужин напоминал о том, что того, для кого он приготовлен, нет рядом, снова нет.

А зачастую у них аппетитно пахло пирожками. В их дом с удовольствием заходили Проскурины и Вороновы. Наташа и Игорь Вороновы всегда были рады провести время у Бело-

вых, Проскурины позволяли это себе чаще, во-первых, потому что Вика, зайдя к Валюше на минутку, засиживалась до позднего вечера и звонила потом Косте на работу, чтобы тот заехал за ней; во-вторых, Вадим часто приглашал обоих, желая обсудить с Костей в домашней обстановке какие-то детали предстоящих проектов. Конечно же, Валя не отпускала их без вкусного ужина. Хлебосольность и радушие хозяйки плюс искрометный юмор хозяина, безобидные шалости Димки – вот что делало атмосферу в доме Беловых легкой, притягивающей, неповторимой. Со стороны все здесь казалось идеальным.

Валюша всегда с нетерпением ждала прихода гостей, а в последнее время – особенно. Ей хотелось видеть на знакомых лицах все ту же откровенность. Она словно хотела убедиться, что они могут так же прямо смотреть ей в глаза, как раньше. Это означало для нее, что никаких секретов нет, и не существует ничего такого, о чем жена узнает в последнюю очередь. Это был самообман, на который она шла добровольно. Так ей было легче. Ложь во спасение собственного «я», здоровья семьи, покоя сына. Она никак не могла отважиться на серьезный разговор с мужем, позволяя себе только намеки. Молчание ничего не меняло, разве только монотонно, день за днем разрушало, подтачивало то, что создавалось не за один год.

Белов тоже предпочитал не заводить откровенных бесед. Он понимал, что рано или поздно это произойдет. Но ему

так не хотелось ничего менять! Настал момент, когда, по его меркам, у него действительно было все, о чем может мечтать мужчина: прекрасная жена, любимый сын, уютный дом, интересная работа, дающая массу возможностей, и немаловажное дополнение – красивая, страстная любовница. Он слишком долго пытался примерить к себе роль примерного семьянина и на какое-то время смог убедить себя в том, что ему это удастся. Но Вадим чувствовал, что это не навсегда. Он был уверен, что очередной шквал эмоций сорвет с него личину праведности, которая стала тяготить его. Валя должна или принимать его таким, какой он есть или уйти из его жизни. Он не хотел, чтобы дошло до этого, он был слишком привязан к ней и сыну. Ведь разрыв с Валентиной – это проблемы в общении с Димкой. Вадим реально смотрел на вещи, но в нем бушевал вулкан, который долгое время готовился к извержению. Вероника Сергеевна как-то сказала о Вадиме, что он напоминает ей застывшую гору, которая в один миг может превратиться в огнедышащую стихию. Вадиму понравилось такое сравнение. Теперь для подтверждения этой характеристики у него было то, что нужно. Белов считал, что последнее увлечение вносило приятное разнообразие в его жизнь и в какой-то мере способствовало укреплению семьи. У него была отдушина, в которую безболезненно попадали и раздражение, и усталость, и накопленные стрессы. А домой он приходил умиротворенный, удовлетворенный, способный воспринимать все только в розовом цвете. Да и Ва-

ля никогда не была брюзгой и не опускалась до того, чтобы устраивать ему допросы по поводу поздних возвращений домой, частых командировок. Вадим действительно решил, что она ничего не теряет оттого, что он разделил свою жизнь на две части. Одна – открытая для всех, в ней семья, работа, каждодневные проблемы, маленькие праздники. Другая – тайная, полная страсти, признаний, несбыточных фантазий, плотских желаний, горечи и сладости расставаний и встреч.

Вадим жил полноценной жизнью по собственным законам. Он не обременял ее философскими проблемами. Лишь изредка всматривался в спокойное лицо Вали, пытаясь понять, что за мысли роятся в ее голове. Раньше он говорил, что знает ее до конца, что она перед ним как на ладони. За проведенные вместе годы он уже не был в этом настолько уверен. Оба изменились, но, кажется, Валя преуспела в этом больше. Она стала совсем другой. Не испуганной, неуверенной в себе девушкой с внимательным взглядом огромных серо-зеленых глаз, какой он увидел ее впервые, а красивой, опытной женщиной, знающей о жизни гораздо больше него. Это ведь он рос единственным любимым сыном в благополучной семье. Это его желания предугадывали заботливые родители. А ее воспитывала только мать, и одной Вале известно, какие трудности и лишения испытали они за долгие годы. Степаниды уже больше трех лет не было на свете. Не зная отца, Валя в двадцать лет осталась и без матери. Разве может он до конца понимать ее, повзрослевшую и оси-

ротевшую так рано? Ее, такую светлую, всегда улыбающуюся, как будто и не было никаких ударов судьбы, как будто все в ее жизни складывается с легкостью, без зазубрин.

«На самом деле все настолько проще. Нам ведь так хорошо вместе. Зачем, зачем он это делает?» – Сколько раз молодая женщина задавала себе этот вопрос – десять, двадцать, сто? Последнее время, наверное, каждый день, и все безответно. Валино чутье не подвело ее: Вадим давно и серьезно попал в очередную ловушку своего желания. На этот раз его сердце снова покорила смуглая, сексапильная красотка с роскошными густыми волнами темно-каштановых волос, спадавшими до середины спины. Галина Матвеевна назвала бы это возвратом к «цыганскому периоду». Вадим скрывал свое увлечение ото всех и даже Косте Проскурину, с которым был особенно близок, не сказал ни слова. Маме – тем более. Она обожает Валю и не потерпит, чтобы ее любимую невестку обижали. Галина Матвеевна однажды недвусмысленно высказалась по этому поводу. Она тоже словно чувствовала, что спокойному периоду в их жизни вот-вот придет конец. Боясь очередных скоропалительных решений сына, она каждый раз подчеркивала, что Валя – сокровище, которое трудно найти, но легко потерять. Она деликатно давала понять, что всегда останется на стороне невестки, предостерегала сына от необдуманных поступков и просила ради спокойствия ее, отца, будущего Димки оставаться рассудитель-

ным. Но разве можно было слушать доводы рассудка, когда судьба столкнула его с Лялькой? Это не могло быть случайностью, потому что еще в студенческие годы Вадим сказал себе: случайностей не бывает.

Познакомились они, когда Вадим вечером шел в больницу, к Валюше на работу. Это было так давно, но он помнил все подробности. Валя попросила его зайти за ней, потому что хотела о чем-то поговорить по дороге к Димке в садик. Закончив обсуждать очередной проект с Костей, Белов отказался от традиционной чашки кофе с сигареткой и помчался в больницу. Долго ловил машину и наконец сел в подошедший автобус. По дороге он впервые за день задался вопросом, что такое неотложное и секретное хочет обсудить с ним Валюша? Кажется, у них в семье порядок, родители здоровы, Димка легко вписался в новую садиковскую жизнь. Что могло случиться?

Автобус остановился неподалеку от здания больницы – три минуты ходьбы. Вадим шел быстро, потому что уже опаздывал к концу приема. Валя была человеком пунктуальным и не любила неаккуратного обращения со временем. Белов разделял ее любовь к точности и конкретности, потому, поглядывая на часы, чуть не бежал. Серое знакомое здание с каждой минутой приближалось, выплывая из-за стены густо посаженных высоких тополей. Холодный ноябрьский воздух проникал глубоко в легкие. Моросил мелкий дождь, словно иголочками покалывая раскрасневшееся лицо Вадима. Он

старался втянуть шею поглубже в ворот новой кожаной куртки. Недавно, когда появились первые реальные доходы от работы фирмы, они с Вале́й позволили себе обновить гардероб. Белову нравился начавшийся период. Когда-то Костя мечтал о том, как наступит момент приобретения приятных привычек, проявления вкусов и гастрономических шалостей. Для этого нужны были средства, и теперь, кажется, вожде́ленный Проскуриным час наступил.

Как получилось, что, посмотрев в очередной раз на стрелки часов, Вадим вдруг со своего хода налетел на мчавшую навстречу женщину? Вероятно, он просто размечтался и отрешился от ноябрьской реальности. Столкновение было молниеносным, сильным, потому что она тоже спешила. Женщина успела вскрикнуть от неожиданности и, выронив сумочку, попала в подставленные руки Вадима. Длинные волосы незнакомки свисали тяжелыми локонами. Вадим успел вдохнуть невероятный, волнующий аромат, исходивший от них. Несколько секунд они пытались сохранить равновесие, что им, в конце концов, удалось. Перспектива очутиться на грязном асфальте не нравилась обоим. Пришло время посмотреть друг на друга. Женщина мягко отстранилась от Вадима, поправляя полы кожаного плаща. Отбросив тяжелые длинные пряди волос от лица, она с недоумением взглянула на Вадима. Весь ее облик говорил: «Как же это нас угораздило?»

– Извините, ради Бога, – улыбнувшись, сказал Белов. Он

быстро присел, чтобы помочь незнакомке поднять упавшую сумочку, но она сделала то же самое. Теперь они столкнулись лбами. Удар получился сильным, женщина снова вскрикнула и, зажмурившись, принялась тереть место ушиба. Вадим тоже почувствовал давно забытое ощущение, вернувшееся откуда-то из далекого детства. Несмотря на боль, Белов едва сдерживал смех. Ситуация показалась ему комичной. Как в фильме, где одно недоразумение тянет за собой другое. Сумка оказалась в руках женщины. Она с грустью посмотрела на прилипшую к ней грязь. Потом ее взгляд снова сосредоточился на Белове. Ей так хотелось казаться обиженной, недовольной тем, что произошло, ведь шишка на лбу и грязная сумка никак не входили в ее планы, но перед ней стоял высокий, красивый, смущенный мужчина, голубые глаза которого смеялись, несмотря на все старания выглядеть серьезным.

Женщина, как и Белов, придерживалась мнения, что случайностей не бывает, поэтому решила, что глупо дуться и негодовать.

– С Вами это часто происходит? – Сощуриив карие миндалевидные глаза, спросила она.

– Нет, примерно раз в три года, – медленно произнес Вадим, еще не зная, насколько точный он дал ответ. Когда их взгляды встретились, произошло что-то магическое, на уровне мистики. Оба внезапно почувствовали, что их сердца застучали быстрее, и причины, по которым они спешили, показались такими малозначимыми. Вадим не ощущал

больше пронизывающей сырости. Женщина тоже перестала видеть серость унылого ноябрьского пейзажа. Все вокруг пропало, словно задернули огромный занавес, оставив одних главных героев. Они стояли, молча глядя друг на друга, позабыв о времени. Глаза их излучали энергию, сила которой могла творить чудеса. Вадим видел перед собою женщину, желание обладать которой вмиг поколебало чашу весов «семья-страсть» в сторону последней. Два его предыдущих брака просуществовали так недолго, что подобной ситуации не возникало. Он просто переставал чувствовать необходимость в совместном существовании и легко прерывал отношения.

Сейчас все было иначе. Валя, Димка – с одной стороны и эта прекрасная, волнующая каждую клеточку его тела женщина. Белов понял, что переоценил себя, когда по дороге из роддома три года назад сказал себе, что твердо выбрал свой путь. Тогда он был уверен, что насытился романтикой и страстями. Правда, в последнее время с ним стало происходить что-то необъяснимое. Он перестал спешить домой, как раньше. Благо работы было действительно много, но Вадим понимал, что это отговорка. Наверное, в глубине души это было подсознательное ожидание такой вот встречи. Болезненные укоры совести Белов подавил в зародыше. «Валя, сын – это другое: неприкасаемое, дорогое, чистое, а здесь...» Вопрос выбора перед Вадимом не стоял. Раньше он прерывал отношения, обретая свободу, а теперь свобода как тако-

вая у него была.

Валя действительно никогда не ущемляла его интересов. Они жили по принципу существования двух свободных людей, только в Валино понятие свободы входили покой в доме, здоровье близких и ее посильное участие в этом. Белов однозначно добавил бы к этому – возможность иметь внутреннюю разрядку, ощущать в любой момент накал эмоций. Настал именно тот час, когда пора встряхнуться. Он протянул руку и, ослепительно улыбнувшись, представился.

– Вадим.

– Алиса. – Женщина пожала его прохладную ладонь, усмехаясь кончиками губ.

– Кажется, Вы куда-то спешили?

– Вы, по-моему, тоже. – Она продолжала усмехаться откровенно лукаво и призывно. Новый знакомый безоговорочно понравился ей. Понравился – мягко сказано, потому что от звуков его голоса у женщины сжалось все внутри и захотелось слушать его бесконечно, закрыв глаза. Слушать, мысленно проигрывая самые безумные фантазии. Она смотрела на Вадима, понимая, что и он ощущает что-то подобное. Нужно было как-то окончательно привлечь его внимание, заинтриговать.

– Давайте не сходить сегодня с заданных орбит, а на днях встретимся. Я бы с удовольствием сказал – завтра, но что-то останавливает меня от поспешных решений. – Вадим украдкой посмотрел на часы: он опаздывал уже на пятнадцать ми-

нут. В их с Валентиной правилах это означало что-то из ряда вон выходящее. – Мне, например, не безразлично, во что превратится это розовое пятно на Вашем лбу.

– Повод, конечно, серьезный.

– Более чем. Вы согласны? – Вадим чувствовал, что едва владеет голосом. Ему стоило большого труда унять в нем дрожащие нотки. – Не раздумывайте долго.

– Обычно я поступаю именно так. Однако сегодняшний день совсем выбился из нормального ритма.

– Это случается часто? – Белов спрашивал просто для того, чтобы что-то говорить. Ему было страшно представить, что каждое произнесенное слово может стать последним в их общении. Он чувствовал, что в нем открываются забытые ощущения, пугающие и манящие, изгнать которые он был не в силах.

– Нет, примерно раз в три года.

– О, у нас уже есть что-то общее, вы не находите? – Он изо всех сил старался выглядеть уверенным и раскованным.

– Кроме розовых пятен на лбу – не думаю, – сведя красивые дуги бровей к переносице, ответила Алиса. Она кокетливо отбросила прядь волос от лица и, увидев, что ее новый знакомый в замешательстве, засмеялась.

У Белова стало легко на душе. Они долго будут вместе, он интуитивно почувствовал это. Вглядываясь в правильные черты лица стоящей рядом с ним женщины, он понял, что они не могли не встретиться. Не сегодня, так в другой день.

Иначе быть не могло.

– Значит, встречаемся послезавтра в шесть, идет? Осталось определиться с местом свидания. Выбор за Вами. Как Вам будет удобно, – скороговоркой проговорил Вадим, снова украдкой поглядывая на часы. Впервые за несколько минут их общения ему пришло в голову, что Валя, не дождавшись его, выйдет из больницы и наткнется на него, мило беседующего с дамой. Наверняка жене это не понравится. – Итак, я принимаю любое предложение.

– Хорошо. В шесть возле молочного бара на Кузнецкой. – Ответила Алиса.

– Это означает, что Вы – любительница мороженого?

– Да, страстная любительница и в любое время года. А сейчас мне действительно пора. До свидания.

– До встречи. – Выдохнул Вадим.

Алиса напоследок скользнула по нему взглядом и легкой, быстрой походкой направилась в сторону дороги. Она осторожно несла грязную сумочку и поглядывала на часы. Белов почувствовал укол ревности. Он уже ревновал к тому, кто заставлял Алису так спешить. В следующую минуту он пристыдил себя: какое право он имеет делать это? Прикурив, Вадим направился в сторону поликлиники. Поднялся по ступенькам крыльца и в просторном вестибюле увидел Валю. Она шла, задумавшись. Лицо ее было грустным.

– Привет, Сергеевна, – окликнул ее Вадим.

– Привет. – Валя внимательно посмотрела на мужа. – Ни-

чего не случилось?

– Все в порядке. Извини, что задержался. Нужно было срочно отправить факс. – Белов солгал легко, даже сам удивился.

– Ну, пойдём. Димка не любит, когда его забирают последним.

– Пойдём.

Они вышли из здания. Валя взяла Вадима под руку. С минуту они шли молча, быстрым шагом. Вадим несколько раз пытался начать разговор, но никак не мог освободиться от впечатления недавнего знакомства. Он все еще мысленно разговаривал с Алисой. Наконец Валя сказала:

– Я хотела поговорить с тобой не дома. Не знаю почему... Одним словом, я беременна. – До Вадима не сразу дошел смысл сказанного. Потом он резко остановился и развернул к себе Валюшу. Она опустила голову, словно была в чем-то виновата. – Я сегодня узнала. Сдала анализ и вот. Только вышла на работу, а тут... – Валя говорила сбивчиво, с трудом подбирая слова. Вадим поцеловал ее в макушку, вдохнув знакомый запах волос.

– Замечательно. В чем проблема? – Ответил он, Валя быстро взглянула на него. Ее губы подрагивали. Покусывая их, она покачала головой. Вадим продолжал. – Что? Наш план в действии: четыре сыночка и лапочка дочка. Я только «за».

Он пытался казаться радостным, хотя не осознавал, что

речь идет о еще одной жизни, за которую он и Валя будут в ответе. Димке три года, к рождению малыша будет четыре – прекрасный возраст, когда маленькому человечку многое можно объяснить.

– Ты снова пытаешься обратить все в шутку. Нет, Вадим. Мне трудно сказать это, но я не оставлю ребенка. – Слова прозвучали тихо, но Белову показалось, что Валя кричит. Это был сдавленный крик отчаяния.

– Почему, объясни, – он мягко прижал ладони к ее покрасневшему лицу.

– Я не уверена в том, что для нас это приемлемо. Мы не можем позволить себе сейчас такую роскошь.

– Ты подбираешь казенные фразы, как на партсобрании. Говори проще, ты ведь можешь все объяснить по-человечески.

– Постараюсь... Я опускаю материальный момент. Он тоже важен, но сейчас я не об этом. Мы вместе уже больше трех лет, но последнее время мне кажется, что ты отдаляешься. – Валя убрала его прохладные ладони со своего лица. – Я не хочу привязывать тебя детьми. Многие женщины избирают такую тактику, чтобы не остаться в одиночестве. Долгие годы они живут под одной крышей, растят детей, терпят присутствие друг друга. Оправдывают свою несуществующую семью благородными целями воспитания потомства. А потом, даже отыграв серебряную свадьбу, расходятся в разные стороны. Остается сознание того, что все в жизни сложилось не

так, что годы прошли, а на сердце – ничего, кроме пустоты.
Я так не смогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.